

*Анжела Ивановна
КОЛИН,
Александр Сергеевич
СТЫКАЛИН*

Выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии — профессора и студенты московских высших учебных заведений (XVIII — начало XX вв.)

С Москвой связаны судьбы многих выходцев из Молдавии, оставивших след в истории своей национальной культуры. Они учились здесь, получили высшее образование, некоторые преподавали, а трое из них возглавляли элитные учебные заведения Москвы: Михаил Херасков был ректором Московского университета в 1760-е годы, Арсений Стадницкий — ректором Московской духовной академии в 1898–1903 гг., Лев Кассо, будущий министр просвещения Российской империи (1911–1914 гг.), — директором Катковского лицея в 1908–1910 гг.

Довольно интенсивные связи Молдавского княжества с московским двором были установлены уже в 1670–1680-е годы; происходил обмен посольствами¹. Россия в тот период воспринималась как некоторый противовес османскому давлению. Самым значительным выходцем из Молдовы, работавшим в России в конце XVII в., был Николай Милеску Спафарий, выдающийся интеллектual и дипломат, живший здесь с 1671 г. до самой своей кончины в 1708 г.² Он был главой наиболее важной дипломатической миссии допетровской России в Китае в 1674–1678 гг.³ Меньше известна его педагогическая деятельность, хотя в литературе встречаются сведения о том, что в 1680-е годы он относился к кругу домашних учителей юного Петра I⁴. Петр, знавший Спафария с детства, уже в зрелые годы использовал его на дипломатическом поприще, несмотря на

то, что тот был дружен с опальным князем В.В. Голицыным, фаворитом царевны Софьи. Спафарий вел занятия в греко-латинских школах 1680-х годов; написанные им учебные пособия по философии и риторике использовались в Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 г.⁵ Более активной педагогической деятельности в Академии мешала занятость Спафария в Посольском приказе.

Антиох Кантемир, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира, крупного интеллектуала петровской эпохи и сподвижника Петра I, переселился в Москву в раннем детстве с семьей — после неудачного для России Прутского похода 1711 г. и установления власти турецких ставленников (греков-фанариотов) в Молдавском княжестве. Это был первый русский светский поэт и крупный дипломат, посол в Лондоне и Париже. Образование он получил в Славяно-греко-латинской академии в Москве⁶.

Очень заметной фигурой в университетской жизни Москвы XVIII — начала XIX вв. был выходец из молдавско-валашского боярского рода Хереску Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807), поэт, драматург, прозаик, видный представитель классицизма в русской литературе и деятель культуры российского Просвещения. С 1756 г. он состоял на службе в Московском университете, основанном лишь за год до этого, в 1755 г., при императрице Елизавете Петровне. В 1761 г., при императоре Петре III, 28-летний Херасков был назначен исполняющим обязанности ректора Московского университета. Большое внимание он уделял как университетскому театру, где ставились в том числе и его пьесы, так и университетской типографии, где в начале 1760-х годов выходил ряд основанных при его активном участии журналов («Полезное увеселение», «Невинное упражнение» и др.). Вокруг Хераскова объединилась группа молодых литераторов (главным образом студентов), публиковавшихся в связанных с университетом изданиях, — из этой среды вышли автор «Душеньки» И.Ф. Богданович и автор «Недоросля» и «Бригадира» Д.И. Фонвизин.

Екатерина II, пришедшая к власти в 1762 г., уже через год, в июне 1763 г., подписала указ о назначении Хераскова

ректором Московского университета. Интересно, что именно с именем этого представителя нерусского по происхождению дворянского рода связано принятие первых мер, направленных на русификацию процесса преподавания в Московском университете, где тон задавали немецкие профессора. В начале 1768 г. началось чтение лекций на русском языке, к неудовольствию немецкой профессуры, настаивавшей на преподавании на латыни. С другой стороны, Херасков инициировал введение предварительной цензуры на публикацию университетских лекций, после того, как в некоторых текстах были опубликованы антиправительственные высказывания.

Херасков был ректором университета до 1770 г., когда временно переехал из Москвы в Петербург, однако после возвращения в Москву, в июне 1778 г., был назначен куратором Московского университета. Эту должность он занимал почти четверть века, до 1802 г., при трех императорах — Екатерине II, Павле I и Александре I⁷.

Главной его инициативой в новой должности явилось создание при Московском университете Благородного пансиона — закрытого учебного заведения для мальчиков из знатных дворянских семей. Объявление о его создании было опубликовано в газете «Московские ведомости» в декабре 1778 г. Это элитное учебное заведение, постоянно насчитывавшее до 250 учеников, оставило значительный след в истории русской словесности. Начиная с 1799 г., при нем существовало литературное общество; в разные годы в Благородном пансионе при Московском университете учились В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев⁸.

В 1783 г. М.М. Херасков был избран членом Академии наук, а в 1786 г. за заслуги в развитии Московского университета был награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Вместе с тем Херасков при Екатерине II неоднократно попадал в опалу, что было связано как с его активным участием в масонских организациях, так и с тем, что в 1779 г. он передал университетскую типографию в аренду известному журналисту и журнальному редактору Н.И. Новикову, предоставив тем самым ему возможность развивать свою издательскую деятельность.

В начале 1790-х годов, в период Великой Французской революции, Новиков был арестован по обвинению в пропаганде «подрывных» идей, а Херасков был фактически отстранен от университетских дел вплоть до воцарения Павла I. Окончательная отставка Хераскова в 1802 г. в высоком чине действительного статского советника была связана с неготовностью этого, в то время уже 70-летнего, человека внести свой вклад в осуществление программы реформирования российской системы высшего образования, провозглашенной Александром I. Что же касается основанного по инициативе М.М. Хераскова Благородного пансиона, то он попал в немилость после 1825 г., когда выяснилось, что среди его воспитанников — целый ряд активных участников декабристского восстания (П.Г. Каховский, Н.М. Муравьев, В.Ф. Раевский, С.П. Трубецкой и др.). В 1830 г. пансион был лишен ряда привилегий и превращен в гимназию, хотя позже преобразован в Московский дворянский институт⁹. В XIX в. многие выпускники как Благородного пансиона, так и Дворянского института проявили себя на военной, гражданской, придворной и дипломатической службе.

Что же касается рода Хереску-Хераскова, то Михаил Матвеевич был не единственным выходцем из него, связавшим себя с Московским университетом, — архивные документы свидетельствуют о том, что в разные годы в его стенах учились и другие его представители. В архивах сохранилась, например, квалификационная работа П. Хераскова «Княжеская власть в норманнский период» (1890)¹⁰.

Человеком той же генерации, что и М.М. Херасков, был видный историк и археограф Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737—1814), выходец из молдавского боярского рода, переселившегося в Россию вместе с Дмитрием Кантемиром. В начале царствования Александра I он был начальником московского архива только что созданного министерства иностранных дел и много занимался публикацией архивных источников. Его сын Дмитрий Николаевич (1788—1850) был вольнослушателем Московского университета, затем, во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., служил дипломатическим курьером, выполняя важные поручения. Уже в 1810 г. в Москве им была

опубликована написанная по итогам его дипломатической миссии книга «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», до сих пор сохранившая ценность как источник. После 1812 г., во время царствования Александра I и Николая I, Д.Н. Бантыш-Каменский занимал ряд государственных постов, в том числе на местах (служил в 1820-е годы тобольским, а в 1830-е годы виленским губернатором). Однако прежде всего он известен как историк, в частности, автор работ по истории Малороссии, в немалой мере основанных на хорошо изученных им архивных документах Малороссийской коллегии¹¹.

Междуречье Днестра и Прута (Бессарабия), составлявшее восточную половину Молдавского княжества, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг., по Бухарестскому миру 1812 г. В связи с этим с каждым десятилетием увеличивалось число уроженцев Бессарабии в престижных российских высших учебных заведениях, причем выходцы из духовенства учились чаще в духовных академиях, а выходцы из боярства и дворянства — на юридических факультетах университетов. Некоторые из выпускников юридического факультета Московского университета, такие, например, как Георгий Горе, окончивший университет в начале 1860-х годов¹², и Эмануил Гаврилица, учившийся десятилетием позже, стали видными деятелями бессарабского земского общественного движения и много сделали для процветания родного края. Были и те, кто связал себя с революционным движением. Нельзя не назвать самого выдающегося из них — Земфирия Арборе-Ралли (1848–1933), видного деятеля как русского, так и румынского народничества, публициста. Он учился в конце 1860-х годов на медицинском факультете Московского университета, но не окончил его, так как был арестован за революционную деятельность, позже эмигрировал в Румынию и прожил долгую жизнь¹³. Учился в Московском университете и уехавший в 1890-е годы в Румынию Константин Стере (1865-1936), впоследствии выдающийся писатель и государственный деятель, министр в межвоенной Румынии¹⁴.

В отличие от Стере, сделавшего выбор в пользу эмиграции в Румынию, принадлежавший к той же генерации А.Г. Стад-

ницкий (митрополит Арсений) реализовал себя в России, став одним из наиболее выдающихся иерархов Русской православной церкви первой трети XX в.

Авксентий Георгиевич Стадницкий, будущий митрополит Арсений, родился в 1862 г. в Северной Бессарабии, в селе Комарово (молд. — Кумарэу) Хотинского уезда в семье настоятеля Успенской церкви этого села, относившейся к Кишиневской епархии. Его мать, урожденная Черноуцан, принадлежала к другому роду потомственных бессарабских священнослужителей. Свое образование Стадницкий начал в духовном училище заштатного городка Единец в Северной Бессарабии, продолжил в кишиневской духовной семинарии, которую окончил в 1880 г. Уехав затем для получения высшего образования в Киев, он в 1885 г. окончил Киевскую духовную академию. В этом высшем учебном заведении поддерживался высокий уровень преподавания как теологии и философии, так и истории церкви, лекции читали известные ученые — богословы, филологи и историки.

В годы своего студенчества А. Стадницкий дважды (в 1883 и 1884 гг.) на каникулах совершил паломничество на Афон, отразив свои впечатления в дневнике, опубликованном в 1886 г. в Киеве и переизданном уже в наше время в Москве по решению издательского совета Русской православной церкви¹⁵. За эту книгу молодой автор был удостоин Макарьевской премии, высшей в России академической церковной награды.

По окончании Киевской духовной академии Стадницкий долгое время преподавал богословие и древнегреческий язык в родной кишиневской духовной семинарии; в 1887–1895 гг. редактировал «Кишиневские епархиальные ведомости». В эти годы он начал усиленно заниматься историей молдавской и бессарабской церкви на материалах не только архивов Бессарабской губернии, но и зарубежных. В 1888 г. он выезжал с научной целью в Австро-Венгрию, а в 1890 г. в Румынию, где общался со многими церковными иерархами. В Кишиневе в 1890-е годы был опубликован ряд его исторических работ. Одна из них, «Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–1812) и митрополит Кишиневский (1813–1821)», вышедшая в свет в 1894 г., была защищена в качестве магистерской диссертации.

Прежде всего именно за заслуги в изучении биографии этого выдающегося церковного деятеля А. Стадницкий уже в 1898 г. был награжден орденом Короны Румынии III-й степени.

В 1895 г. А. Стадницкий был пострижен в монашество в Александро-Невской лавре в Петербурге, а вскоре получил сан иеромонаха. С января 1897 г. он возглавлял кафедру библейской истории в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, а через год был назначен ректором этого авторитетного высшего учебного заведения. В 1899 г. Арсений получил епископский сан. Заняв административный пост, он уделял большое внимание материальному обеспечению студентов (среди которых были и его земляки, бессарабские молдаване), учредил из бюджета академии особые стипендии для тех студентов, которые не находились на казенном обеспечении. Среди учеников Арсения по Московской духовной академии был будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский), пронесший уважение к учителю через всю свою жизнь, о чем свидетельствует их сохранившаяся обширная переписка. Уже в советское время Арсений, отправленный в ссылку, передал именно Алексею руководство новгородской митрополией¹⁶.

Занимая ректорский пост, Арсений не оставил научные исследования по истории молдавской церкви. В 1904 г. выходит его фундаментальный двухтомник «Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви», который до сих пор остается важным подспорьем для всех специалистов, обращающихся к церковной истории как Молдавского княжества, так и Бессарабии после 1812 г. В Румынии труд был отмечен королевской наградой *Vene Merente*, а в России Уваровской премией¹⁷. Но интерес Стадницкого к процессам, происходившим по другую сторону пограничной реки Прут, не был сугубо историческим. Поддерживая связи с румынскими иерархами, он старался почерпнуть как можно больше информации о состоянии церковной жизни в современной ему православной Румынии. Об этом свидетельствует изданная в 1902 г. в Сергиевом Посаде его работа «Из современной церковной жизни в Румынии», представляющая и сегодня несомненный интерес для исследователей румынского православия на рубеже XIX–XX вв.

Наиболее значительной инициативой в бытность Арсения ректором Московской духовной академии стала экспедиция (своего рода «академическое паломничество») в Святую Землю преподавателей и студентов академии во главе с ее ректором, организованная в 1900 г. при содействии Императорского Православного Палестинского общества. Среди участников экспедиции были видные ученые — историк церкви, будущий член Государственной Думы и член-корреспондент Императорской академии наук Н.Ф. Каптерев, исследователь Библии В.Н. Мышцын. Ряд студентов, выезжавших с Арсением в Иерусалим, впоследствии активно проявили себя как на церковном, так и научном поприще. Итогом поездки в Палестину стало ее подробное научное описание, сделанное студентами под руководством Стадницкого. Вышедшая под его редакцией в 1902 г. книга «В стране священных воспоминаний», представляющая огромный интерес для исследователей истории русской церкви, православной мысли рубежа XIX–XX вв., а также истории российской восточной дипломатии, была переиздана в 2014 г. по инициативе Российского Палестинского общества¹⁸.

После отъезда в 1903 г. из Сергиева Посада Арсений был епископом в Пскове, основал там богатый церковно-исторический музей; затем являлся архиепископом в Новгороде, где много занимался охраной памятников церковной старины и организовал в этом городе в 1911 г. Всероссийский археологический съезд. В течение некоторого времени он возглавлял учебный комитет при Святейшем Синоде, а с 1907 г. был членом Государственного совета от монашеского духовенства. Продолжая заниматься историей молдавской церкви на основе новых источников, Арсений опубликовал в 1914 г. новый труд — «Митрополит Сучавский Досифей в его сношениях с Россией, при свете новых исторических материалов».

Арсений являлся заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и фактически руководил большинством его заседаний. При выборе в 1917 г. Патриарха всея Руси он был одной из трех выдвинутых кандидатур, получив второе место при голосовании. В годы советской власти, как и патриарх Тихон, митрополит Арсений находился

в состоянии перманентного конфликта с коммунистическим режимом, начиная с 1919 г. неоднократно арестовывался — прежде всего за отказ встать на сторону так называемых обновленцев, стремившихся превратить православную церковь в орудие церковной политики большевистского режима¹⁹. Сосланный в 1925 г. в Среднюю Азию, Арсений прожил там остаток дней своих и скончался в 1936 г. в Ташкенте, имея сан митрополита Ташкентского и Туркестанского. В последние годы его жизни все православные храмы в крупнейшем городе Средней Азии были закрыты. По свидетельствам современников, митрополит проводил службы под открытым небом, у кладбищенской часовни; в большие праздники здесь собиралось до 20 тыс. человек²⁰.

Русская зарубежная церковь уже в 1981 г. причислила Арсения к новомученикам православной веры, в постсоветской России память об этом выдающемся иерархе также стала официально почитаться, в Новгороде по благословению Патриарха Алексия II с 1993 г. периодически проводятся Арсениевские чтения. Расширяется интерес к богатому творческому наследию Арсения, постепенно вводятся в научный оборот новые его тексты и архивные документы, связанные с его деятельностью. Наряду с материалами поездок в Палестину и на Афон начата подготовка многотомного издания его обширных дневников, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), — инициатива этого проекта принадлежит Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету²¹.

С Московским университетом связал себя в 1890-е годы выдающийся филолог, археограф, историк культуры Александр Иванович Яцимирский (1873—1925). Он принадлежал к обедневшему дворянскому роду из Подольской губернии, родился в Бессарабии в учительской семье, окончил гимназию в Кишиневе. Уже в годы учебы у будущего профессора появилось интересное увлечение. «Каждое лето, — писал он, — я обходил пешком, иногда без гроша в кармане, бессарабские монастыри и вообще местности, замечательные в историческом или археологическом отношении; всё чем-либо замечательное я изучал, описывал, срисовывал, и в результате второй по времени моей

экскурсии явился ряд статей, которые я уже в пятом классе поместил в местной газете “Бессарабский вестник” под заглавием “Древности по берегам Днестра”»²². На формирование научных интересов Яцимирского повлияло, по его собственному признанию, следующее обстоятельство. Он получил от монаха-схимника из монастыря Городище на Днестре в подарок одну славянскую рукопись XV в. на болгарском языке, которая поразила его как своим внешним видом, правописанием, так и содержанием — это был сборник апокрифических текстов. С тех пор, пишет Яцимирский, «наряду с изучением истории Бессарабии, этнографии бессарабских румын и памятников местной старины я живо интересовался рукописями, читал их и не упускал случая, чтобы приобретать более интересные из них при своих ежегодных экскурсиях по монастырям Бессарабии; уже при приезде в Москву у меня было около 25-ти рукописей»²³.

По окончании гимназии выбор факультета для дальнейшего обучения не представлял для Яцимирского никаких затруднений. Для продолжения образования он отправился в Москву. Почему он выбрал именно Московский университет, а не Новороссийский в Одессе, расположенный всего в четырех часах езды от Кишинева? Как вспоминал Яцимирский позже, его влекли традиции тех ученых, которые внесли свой вклад в выявление и изучение средневековых рукописей православного мира, — Степана Шевырёва, Фёдора Буслаева, Николая Тихонравова²⁴.

Живя в 1890-е годы в Москве, Яцимирский еще студентом принимал активное участие в деятельности ряда научных обществ, выступая на их заседаниях с докладами. Речь идет о Московском археологическом обществе (куда его пригласил один из педагогов, профессор Матвей Иванович Соколов), Московском библиографическом кружке и этнографическом отделе Общества любителей антропологии, естествознания и этнографии. Более того, уже со студенческих лет статьи и заметки перспективного молодого ученого, основанные на глубоком изучении средневековых южнославянских текстов, начали охотно публиковать авторитетные академические журналы — «Известия Отделения русского языка и словесности Импера-

торской Академии наук» и «Чтения Императорского общества истории и древностей российских»²⁵. Как знаток средневекового рукописного наследия (в первую очередь, южнославянского происхождения), он был приглашен известным московским купцом-меценатом Петром Ивановичем Щукиным, владельцем богатого музея русских древностей, для описания его богатейшего рукописного собрания. Эта работа вышла в двух томах в 1896—1897 гг., сразу став серьезным явлением в русской археографии²⁶.

На протяжении первого десятилетия творческого пути приоритетное место в круге интересов Яцимирского занимали проблемы румынской филологии, этнографии, средневековой духовной культуры²⁷. С 1895 г. регулярно публикуются его статьи и заметки в журнале «Этнографическое обозрение» и ряде других по проблемам румынской филологии, культуры, этнографии, а также его переводы с румынского языка. Задачей первых его публикаций в «Этнографическом обозрении» было ознакомление русских филологов и историков с результатами исследований румынских коллег.

По окончании Московского университета Яцимирский служил преподавателем русской словесности в средних учебных заведениях, сначала в Москве, а с 1903 г. — в Петербурге²⁸. При этом он продолжал активно заниматься наукой, и в 1903—1905 гг. опубликовал в Петербурге в двух томах сборник «Румыно-славянские очерки», в который вошли статьи по истории румынско-славянских культурных связей начиная со средневековья. В 1904 г. отдельным изданием в Петербурге вышла его работа «Язык славянских грамот молдавского происхождения». Яцимирскому, как известно, принадлежат немалые заслуги в изучении деятельности и творчества, в контексте своей эпохи (конец XIV — начало XV вв.), Григория Цамблака, выдающегося средневекового писателя, книжника и церковного иерарха болгарского происхождения, оставившего заметный след в истории румынской и славянских культур. Основанная на многочисленных документах, впервые введенных в научный оборот, вызвавшая отклик и дискуссии в профессиональной среде монография «Григорий Цамблак. Очерк его жизни, ад-

министративной и книжной деятельности» (СПб., 1904) была удостоена Ломоносовской премии²⁹. В течение ряда лет Яцимирский был приват-доцентом Петербургского университета, возглавлял редакцию славянской филологии в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, опубликовал на страницах этого уважаемого издания десятки собственных статей. В 1913 г. он получил профессорское место в Варшавском университете, вместе с которым был эвакуирован в Ростов (с началом Первой мировой войны), где и провел последние годы своей жизни, внося уже в советское время, в качестве профессора Ростовского университета, вклад в формирование донской исторической школы и краеведения.

В 1890-е годы Московский университет был одним из средоточий политической фронды, многие его студенты преследовались за причастность к революционной деятельности³⁰. Что касается Яцимирского, то сохранился документ о его политической благонадежности — это подготовленное в канцелярии московского обер-полицмейстера в марте 1899 г. свидетельство, данное дворянину А.И. Яцимирскому «для представления в испытательную комиссию [Московского университета] в том, что он за время проживания в Москве под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полицией не замечен»³¹. Но десятью годами позже, в период реакции после подавления революции 1905-1907 гг., он подвергся травле правой прессы. Так, после публикации в 1909 г. его газетной статьи к 100-летию народного поэта Алексея Кольцова Яцимирский был подвергнут нападкам влиятельнейшей газеты «Новое время» за мнимые симпатии к экспроприаторам частной собственности³². Было даже назначено полицейское расследование, приведшее к приостановке его педагогической деятельности в Петербургском университете и возвращению преподавателем в реальное училище³³. Кроме того, у Яцимирского произошел тогда разлад на политической почве с одним из учителей по Московскому университету — академиком А.И. Соболевским: он негативно отреагировал на сближение последнего с черносотенной организацией Союз русского народа³⁴.

Однокашником Яцимирского по кишиневской гимназии, с которым они дружили и переписывались³⁵, был его одноклассник, великий русский архитектор XX в. Алексей Викторович Щусев (1873–1949). Выпускник Петербургской Академии художеств, он вместе с тем внес, как известно, огромный вклад в архитектуру Москвы. Щусев также преподавал в московском училище живописи, ваяния и зодчества³⁶. Среди выпускников этого учебного заведения были выходцы из Бессарабии, например, видный скульптор Александр Пламадялэ (1888–1940), самая заметная фигура в художественной жизни Бессарабии межвоенного периода, возглавлявший в 1930-е годы в родном Кишиневе художественное училище³⁷.

С 1899 г. по 1906 г. профессором Московского университета был Лев Аристидович Кассо (1865–1914), выходец из старинного боярского рода Кашу, находившийся в близком родстве с дворянским родом Крупенских, обладавшим большими земельными владениями в Бессарабии и давшим ряд высокопоставленных дипломатов, чиновников, членов Государственной Думы. О деятельности ординарного профессора Льва Кассо, потомственного дворянина Бессарабской губернии, имевшего в Сорокском уезде имение в 1000 десятин (более 1000 гектаров) земли, свидетельствует хранящийся в архивном фонде Московского университета в Центральном государственном архиве города Москвы формулярный список о службе³⁸. Из него следует, что Кассо, получивший степень доктора права в Берлинском университете в 1889 г., с 1892 г. исполнял должность доцента по кафедре церковного права в Дерптском (в то время германоязычном) университете, а в 1893 г. стал в том же университете экстраординарным профессором по кафедре местного права, действующего в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях³⁹. С 1895 г. он служил экстраординарным профессором Харьковского университета по кафедре гражданского права и судопроизводства. Защита в мае 1899 г. в Киевском университете св. Владимира новой докторской диссертации по теме «Понятие о залоге в современном праве» позволила ему в ноябре 1899 г. занять должность ординарного профессора по кафедре гражданского права в Московском университете. С 1900 г. Кас-

со состоял членом юридической испытательной комиссии при Московском университете⁴⁰. В 1901 г. ему была объявлена благодарность министерства просвещения за участие в разработке законопроекта об авторском праве. В 1901 г. за заслуги в педагогической и правоведческой деятельности он был награжден орденом св. Станислава 2-й степени, за которым последовали орден св. Анны 2-й степени (1904) и орден св. Владимира 4-й степени (1906). С разрешения министерства просвещения Кассо неоднократно выезжал за рубеж (особенно в периоды каникул) для ознакомления с современной правовой практикой. 20 апреля 1908 г. он был назначен временно исполняющим обязанности, а 4 июня того же года — директором элитного московского учебного заведения средне-высшей ступени, Лицея памяти цесаревича Николая (более известен как Катковский лицей). В этом учебном заведении он читал лекции по римскому и гражданскому праву. Возглавляя Катковский лицей, Кассо в то же время продолжал оставаться профессором Московского университета. Преподавал он и в Московском межевом институте. Имел репутацию блестящего, остроумного и весьма ядовитого лектора.

25 сентября 1910 г. «высочайшим приказом, данным Правительствующему сенату», он, благодаря своим широким связям в высших бюрократических сферах Петербурга, был назначен управляющим министерством народного просвещения и произведен в действительные статские советники⁴¹. В 1911 г. Л.А. Кассо был утвержден министром народного просвещения и занимал эту должность вплоть до своей кончины в декабре 1914 г. За полгода до этого он находился в составе свиты, сопровождавшей Николая II при посещении им Кишинева, где был торжественно открыт памятник Александру I в ознаменование 100-летия присоединения Бессарабии к России. Похоронен был Л.А. Кассо в своем родовом имении в Сорокском уезде Бессарабской губернии.

В связи с переездом в Петербург Кассо уже в октябре 1910 г. перестал читать лекции в Московском университете. Один из его коллег по университету, юрист и социолог В.М. Хвостов (в 1911 г., вместе с целой группой либерально настроенных профессоров, покинувший Московский университет в связи с

нашумевшим «делом Кассо») заметил, что с его уходом «юридический факультет утратил крупную научную силу и образцового преподавателя, поставившего преподавание гражданского права в Московском университете на недосягаемую высоту. Он являлся одним из лучших цивилистов России и своим преподаванием умел возбудить интерес к своему предмету»⁴².

Придерживаясь очень правых, охранительских убеждений, Кассо в качестве министра последовательно старался ограничить автономию университетов, ввести университетскую жизнь в русло, соответствующее интересам властей, жестко вытеснял из стен высших учебных заведений любые проявления политической оппозиционности, по сути дела стремясь возложить на университетскую администрацию полицейские функции. Это приводило его к конфронтации с либеральной профессурой. Распоряжение Кассо о недопущении каких-либо студенческих сходок в стенах университетов, принятое в начале 1911 г., вызвало масштабный, резонансный конфликт — демонстративную отставку ректора А.А. Мануйлова и уход не менее 20 ведущих профессоров разных специальностей в знак протеста против драконовских мер⁴³.

При всей явной неприязни к личности Кассо и несогласиях с его убеждениями, а тем более с методами, многие его оппоненты признавали за ним не только квалификацию, но и высокий интеллект и исследовательский дар. Так, профессор Московского университета А.Н. Савин, назвавший Кассо «талантливым, но свободным от всяких нравственных чувств, почти наглым циником», способным на «деяния Иудины», предпринявшим «разгром своего собственного университета, разгром своих собственных, ближайших и выдающихся товарищей по цеху», вместе с тем замечает: «Надо признаться, что молдаванин талантлив. Талант ясен в его недавней статье по истории Бессарабии»⁴⁴. Почему-то он снова почтил меня своим вниманием, прислал мне отгиск с собственноручною подписью. Подожду отвечать ему несколько дней. Если он уйдет (в это время, в начале 1914 г., ходили слухи о возможной отставке Кассо в связи с аморальной историей, в которую он оказался впутан. — А. К.), я тогда гораздо охотнее расхвалю его ученые дарования»⁴⁵.

Как следует из вышеприведенных заметок А.Н. Савина, Кассо, и будучи министром, продолжал посылно заниматься научной деятельностью. Именно в последние годы жизни на первый план в его научных интересах выходят проблемы, связанные с изучением родного края, в том числе его истории. Наиболее значительной оказалась работа «Россия на Дунае и образование Бессарабской области» (1913), написанная им к 100-летию вхождения Бессарабии в состав Российской империи и не утратившая и сегодня своей научной ценности. Работа эта оказалась междисциплинарной, будучи созданной на стыке правовых и исторических наук, прежде всего истории международных отношений.

С Катковским лицеем были связаны имена нескольких выходцев из знатных молдавских боярских родов, вполне преуспевавших в Российской империи. Воспитанником этого лицея был, например, Григорий Иванович Кристи (1856—1911), племянник (по матери) выдающегося русского дипломата А.И. Нелидова. Как офицер, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., имел боевые награды. Позже проявил себя на административном поприще: был орловским, а с 1902 г. по ноябрь 1905 г. московским губернатором, затем сенатором⁴⁶. Его сын Владимир Григорьевич Кристи (1882—1946), также выпускник Катковского лицея, являлся в 1917 г. полномочным эмиссаром Временного правительства в Бессарабской губернии и связал себя с молдавским национальным движением; позже, в условиях межвоенной Румынии, он был мэром Кишинева, до присоединения Бессарабии к СССР в 1940 г.

Среди выдающихся ученых, уроженцев Бессарабии, был выпускник естественного факультета Московского университета (1898), будущий академик Лев Семенович Берг (1876—1950), географ и биолог, президент Географического общества СССР. Ряд его трудов посвящен Бессарабии; особо следует выделить книгу 1918 г. «Бессарабия. Страна. Хозяйство. Люди», замечательную работу в области экономической географии, к которой до сих пор обращаются все, кто занимается экономической историей Бессарабии начала XX в. В отличие от Л.С. Берга, Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) не был уроженцем

Бессарабии, однако вошел в историю этого края как губернатор Бессарабской губернии (1904–1908 гг.). Выпускник Московского университета, он, однако, оставил о себе память прежде всего не как преуспевающий чиновник, а как видный ученый-этнограф и антрополог. В советское время А.Н. Харузин подвергался гонениям и скончался в заключении⁴⁷.

Среди деятелей искусства можно назвать по меньшей мере двух выдающихся уроженцев Бессарабии, после окончания высших московских учебных заведений связавших себя с Москвой. Это выпускник, а позже профессор Московской консерватории, видный пианист, музыкальный деятель и педагог Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961), сын преуспевающего кишиневского адвоката, позже переселившегося в Москву, и актриса театра и кино Серафима Германовна Бирман (1890–1976), более всего известная исполнением главной женской роли (Ефросиньи Старицкой) в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный». Наряду с московской актерской школой А. Адашева, по окончании которой она влилась в труппу МХТ в 1911 г., С.Г. Бирман окончила также филологический факультет московских Высших женских курсов. Дочь офицера, по материнской линии она принадлежала к молдавскому боярскому роду Ботезат и называла себя в советских документах молдаванкой по национальности⁴⁸.

Как следует из приведенных в статье документов, выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии, учившиеся и преподававшие в Москве, оставили заметный след в истории университетского дела России. С другой стороны, велик вклад московских высших учебных заведений в подготовку деятелей национальной культуры бессарабских молдаван.

Примечания

¹ См.: Посольские книги по связям Молдовы с Россией (1684, 1690–1691 гг.). Кишинев / Составители И. Еремия, Н. Рогожин. Кишинев, 1993; Посольская книга по связям Молдовы и Валахии с Россией. 1674–1675. Кишинев / Составители И. Еремия, Н. Рогожин. Кишинев, 2005.

² См. его биографию: *Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий*. М., 1980. См. также сборник: Н.Г. Милеску-Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.

³ Из более новой литературы см.: *Григорьева Е.А.* Российско-китайские отношения второй половины XVII — первой четверти XVIII вв. в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин. Канд. дисс. Нижний Новгород, 2000.

⁴ См.: *Михайловский И.Н.* Очерк жизни и службы Н. Спафария в России. Киев, 1895.

⁵ *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия славяно-греко-латинской академии. М., 1889; *Лупан С.Г., Оников В.И.* Николае Милеску Спафарий и распространение учения Аристотеля на Руси // *Философские науки.* 1987. № 1.

⁶ *Сементковский Р.И.* Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.

⁷ См.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX вв. в контексте университетской истории Европы. М., 2009; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010.

⁸ См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университетский Благородный пансион, 1779–1830. М., 2006.

⁹ См.: Там же; *Шишкова Э.И.* Московский университетский благородный пансион (1776–1831) // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1979. № 6.

¹⁰ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 513.

¹¹ О вкладе Д.Н. Бантыш-Каменского в российскую историческую науку см. очерк Г.В. Можяевой в книге: *Историки России. Биографии / Отв. редактор А.А. Чернобаев.* М., 2001. С. 122–131.

¹² См. его личное дело в архивном фонде Московского университета: ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 26. Д. 816.

¹³ Немалая часть документального наследия З. Арборе-Ралли хранится в его личных фондах — в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 7026) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1019).

¹⁴ Проведя несколько лет в ссылке за революционную деятельность, Стере получил разрешение на выезд в Румынию. В 1893 г. ему, в то время студенту Ясского университета, был разрешен выход из российского подданства. См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 312 (Консульство в Яссах). Оп. 575. Д. 3578.

¹⁵ *Митрополит Арсений (Стадницкий).* Дневник паломника на Афон. М., 2014.

¹⁶ О тесных взаимоотношениях двух выдающихся церковных иерархов дает представление недавно вышедшая фундаментальная биография Алексия: *Одицов М.И.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015.

¹⁷ О вкладе Стадницкого в изучение истории румынской и бессарабской церкви см.: *Гросул В.Я.* Митрополит Арсений Стадницкий — историк румынской и молдавской православных церквей // *Новая и новейшая история.* 2002. № 1.

¹⁸ *Епископ Арсений (Стадницкий).* В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н.Н. Лисового. М.; СПб., 2014.

¹⁹ Из литературы об отношениях митрополита Арсения с советской властью см.: *Савинова И.Д.* Дело митрополита Арсения Стадницкого // *Вопросы истории.* 1999. № 2.

²⁰ См.: *Фотий (Нечепоренко), иеромонах.* Митрополит Арсений (Стадницкий) и его деятельность. Канд. дисс. Сергиев Посад. Московская духовная академия. 2000.

- 21 *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник. Том 1. 1880–1901 гг. / Подготовка издания и редактирование: О.Н. Ефремова. М., 2006; Том 2. 1902–1903 гг. М., 2012; Том 3. 1903–1905 гг. М., 2016.
- 22 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 507. Л. 4–4об.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 См.: *Яцимирский А.И.* Биобиблиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979.
- 26 Описание старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина. Вып. I. М., 1896; Описание старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина. Вып. II. М., 1897.
- 27 Вклад А.И. Яцимирского в изучение румынского языка, словесности, духовной культуры подробно анализирует М.В. Домосилецкая: *Домосилецкая М.В.* Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX — начало XX вв.) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* Том V. Часть 1 // Отв. ред. академик Н.Н. Казанский. СПб., 2009. С. 51–151.
- 28 См.: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского // *Славяноведение*. 1979. № 1.
- 29 Сегодняшний взгляд на роль А.И. Яцимирского в изучении творчества Г. Цамблака представлен в вышеуказанной работе М.В. Домосилецкой.
- 30 См. соответствующие материалы в фонде Московского университета в ЦГА Москвы (Ф. 418. Оп. 514. Д. 29).
- 31 Там же. Оп. 76. Д. 507. Л. 3.
- 32 *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 244.
- 33 См. подробнее: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского.
- 34 Об избрании А.И. Соболевского почетным членом Союза русского народа см. материалы в его личном фонде в РГАЛИ: Ф. 449. Оп.1. Д. 39.
- 35 Нам известно дружеское письмо Щусева Яцимирскому, относящееся к 1910 г., когда Щусев уже был видным архитектором, проектировал здания для Марфо-Мариинской обители в Москве. См.: РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 273. Щусев делился с одноклассником планами поездки, уже не первой, в Италию, а также в Грецию (в Афины и на Афон) в целях ознакомления с памятниками архитектуры. Письмо заканчивается словами: «Спасибо за память. Очень рад тебя видеть».
- 36 См. его личное дело как преподавателя: РГАЛИ. Ф. 680. Оп.1. Д. 1022.
- 37 См. его личное дело: там же. Оп. 2. Д. 2423.
- 38 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 487. Д. 176. Л. 1–7об.
- 39 На основе соответствующих университетских курсов были подготовлены его работы: «Обзор остзейского гражданского права» (1896) и др.
- 40 См.: Протоколы юридической комиссии за 1900–1908 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 463. Д. 11–15.
- 41 Там же. Оп. 487. Д. 176. Л. 1–7об.
- 42 Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. С. 310–311.
- 43 Из опубликованных в последние годы новых источников см. дневники историка-медиевиста, профессора Московского университета А.Н. Савина: *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Публикация, вступительная статья и

комментарии А.В. Шаровой. М.; СПб., 2015. Из недавно опубликованных научных исследований см.: *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Отечественная история. 2016. № 5.

⁴⁴ Речь скорее всего идет о статье Л.А. Кассо: «Петр Манега, забытый кодификатор бессарабского права» // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Книга 1.

⁴⁵ *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 324–325. Ср. с мнением видного общественного деятеля, выходца из народнической среды Л.А. Тихомирова о Кассо как о человеке выдающихся качеств // Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. С. 406.

⁴⁶ См. личный фонд Г.И. Кристи в ГАРФ (Ф. 1052).

⁴⁷ *Керимова М.М.* Алексей Николаевич Харузин // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 30–43.

⁴⁸ См. богатый личный фонд С.Г. Бирман в РГАЛИ, включающий и тексты автобиографического характера.